

Н. С. Терлецкий

К ВОПРОСУ О ПОЧИТАНИИ ДЕРЕВЬЕВ У ТАДЖИКОВ (КУЛЬТ КИПАРИСА В КОНТЕКСТЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ ПРАКТИКИ ПАЛОМНИЧЕСТВА И ПОКЛОНЕНИЯ)

Почитание деревьев занимает важное место в традиционном мировоззрении таджиков, являясь составной частью тех представлений, формирующих местный духовный субстрат, которые стадийно относятся к эпохе, предшествовавшей появлению ислама в Центральной Азии. Природные культы, получив новое осмысление в рамках религии пророка Мухаммада, сыграли существенную роль в сложении культурного многообразия мусульманского мира, во многом определив специфику региональных форм бытования ислама.

Вопросы почитания деревьев у таджиков в частности и у оседлого населения Центральной Азии в целом, их роль в традиционной обрядности уже становились предметом исследований. Среди авторов, обращавшихся к данной проблематике, следует отметить А. К. Писарчик¹, Р. Р. Рахимова², Я. И. Калонтарова³, О. В. Горшунову⁴. К указанной теме в нескольких работах обращался и автор статьи⁵. Однако степень изученности вопроса все еще весьма далека от удовлетворительной, а многие аспекты многогранного и многопланового культа деревьев вовсе остаются пока не охваченными. Целью предложенной вниманию читателя статьи является рассмотрение отношения к одной из пород деревьев в контексте мусульманской практики паломничества и поклонения (*зийарат*) на примере *мазара* Биби-Савр, расположенного в селении Симиганч.

Внимание автора на указанный *мазар* обратил Р. Р. Рахимов. В 2012 г. мне посчастливилось побывать на объекте в ходе выполнения полевых исследований в составе Центральноазиатской этнографической экспедиции МАЭ РАН. В 2009 г. на этом *мазаре* в составе экспедиции работал и сам Рахимов, отразивший результаты наблюдений в своих статьях.

Селение Симиганч расположено в 11 км к северу от районного центра Вахдат в верхнем течении реки Симиганч, правого притока

Кафирнигана, в предгорье Гиссарского хребта Гиссаро-Алайской горной системы. *Мазар* Биби Савр расположен в северной части кишлака приблизительно в 200 м от центра поселка, сформированного развилкой дорог перед недавно (в 2009 г.) отстроеным комплексом мечети имени ‘Абд ар-Рахмана Джами, включившим в себя почитаемое место захоронения Ни‘мат Аллаха Бухараи (Хазрати шайх Ньѣматуллохи Бухорои)⁶. *Мазар* Биби Савр представляет собой огороженную территорию площадью в несколько сотен квадратных метров, поросшую деревьями (илл. 1). Среди них преобладают платаны (вид *Platanus orientalis*), или чинары (*чинор*). Сразу за калиткой, ведущей внутрь участка, находится несколько крупных платанов, под которыми, расстелив на земле матрацы (*курпачи*), обычно помещаются паломники для отдыха и совершения ритуальной трапезы (илл. 2). В глубине территории *мазара* располагается главный объект поклонения: старое раскидистое вечнозеленое дерево внушительных размеров. Его высота составляет около 15 м, а диаметр ствола у основания около 3 м. Поверхность земли под кроной дерева вытоптана и лишена растительности, а также несколько приподнята над окружающей территорией, формируя пространство, которые местные жители называют *суфа* (илл. 3).

Ритуал паломничества, совершаемый посетителями *мазара*, в целом типичен для подобной категории почитаемых объектов в Центральной Азии. Паломники, среди которых преобладают женщины, могут посещать Биби Савр в любой день недели, однако наиболее благоприятной, специально отведенной для этой цели является среда (*чоршанбе*). Ритуальные действия, называемые *мушкилкушо* (букв. «разрешающие затруднения»), начинаются с символического подметания паломницами *суфы*, это считается благочестивым делом, относящимся к категории *саваб* — поощряемых поступков. Вступая в сакральное пространство, локализованное *суфой*, необходимо снимать обувь. С босыми ногами паломники совершают трехкратный ритуальный обход (*таваф*) вокруг дерева, движение выполняется в направлении против часовой стрелки. После этого посетители обращаются с молитвами к эпониму *мазара*, праведной Биби Савр, персонифицированной в образе почитаемого объекта природы. Целуя свои руки, прикасаются ими попеременно к стволу дерева

Илл. 1. Общий вид *мазара* Биби Савр. Симиганч, Вахдатский район, Республика Таджикистан. Июнь 2012 г. Фото автора

Илл. 2. Паломники совершают молитву рядом с почитаемым кипарисом на *мазаре* Биби Савр. Апрель 2009 г. Фото автора

Илл. 3. Паломницы с детьми на *мазаре* Биби Савр.
Июнь 2012 г. Фото автора

и ко лбу, закрепляя тем самым контакт с сакральным местом. Другая распространенная по всему региону традиция, символизирующая как духовную, так и физическую связь с почитаемым объектом, — повязывание на ветвях деревьев вотивных лоскутов ткани (*латта*, *латта-банд*, *латта-бандак*) как знаков обращения-просьбы к «святому», а также данных ему обетов⁷ — в случае рассматриваемого нами *мазара* находится под запретом. Непозволительность привязывания *латта*, наблюдаемая в настоящее время на некоторых *мазарах* Центральной Азии, объясняется двумя причинами. В первом случае речь идет о восприятии данной традиции как противоречащей нормам мусульманской религии. На волне борьбы со всякого рода пережитками *джахилийи*⁸ повязывание вотивных лоскутов объявляется проявлением язычества и многобожия (*ширк*)⁹. Во втором случае подобный запрет объясняется вредом, который могут нанести *латта* самому почитаемому дереву. Как указывает Р. Р. Рахимов, «в среде таджиков существует мнение, что ритуальные лоскутки сдержива-

ют развитие дерева, они могут стать причиной высыхания “зеленого объекта”»¹⁰. Подобное представление кажется более чем обоснованным при виде некоторых деревьев на *мазарах*, ветви и ствол которых сплошь увиты бесчисленными обрывками ткани и платками паломников, а в последнее время даже полиэтиленовых пакетов.

Что касается Биби Савр, то мотивы запрета на *латта* в этом случае обусловлены представлениями, относящимися ко второй категории. Впрочем, эта традиция является столь укоренившейся, что увещания зрителей *мазара* не всегда оказываются действенными — паломницы продолжают повязывать votивные лоскуты, используя для этого деревья и кусты, растущие по соседству. Однако и само почитаемое дерево не избегает подобной участи, а работа зрителя *мазара*, в частности, заключается и в очищении ветвей от оставляемых *латта*. Среди других его обязанностей — поддержание территории в чистоте и подметание *суфы*. Как и во многих других местах паломничества и поклонения Центральной Азии, зритель *мазара* именуется термином *джорубкаши* (букв. «подметальщик»). На момент работы в Симиганче Центральноазиатской этнографической экспедиции МАЭ РАН (2012 г.) работу *джорубкаша* на *мазаре* Биби Савр выполнял Холмухаммад (Холмамад / Холмахмад) Ашурали (1921 г. р.), выступивший также в роли информанта. Убираемые с *суфы* опавшие ветви не используются в качестве топлива. Существует также запрет и на отламывание сухих веток от самого дерева. По поверьям, человеку, который даже по незнанию сломает ветку, во сне явится недовольный дух дерева, который свою обиду выражает словами: «Ты сломал мои крылья»¹¹. В обязанности *джорубкаша* также входит чтение молитв за паломников во время *зийарата*, они читаются как непосредственно перед деревом, так и во время ритуальной трапезы под упоминавшимися ранее чинарами.

Популярность *мазара* Биби Савр у паломников (в первую очередь паломниц) обусловлена представлением о способности эпонима этого места, персонифицированном в дереве, и / или самого почитаемого дерева отражать воздействие и оберегать от сглаза и порчи. По представлениям местного населения, сглаз (*чишим* / *чашим*) обладает разрушительной силой, а его катастрофические последствия могут вылиться во всевозможные несчастья, неудачи, болезни, в частно-

сти сглаз является одной из основных причин отсутствия потомства. Сам облик почитаемого вечнозеленого дерева, возраст которого исчисляется несколькими сотнями лет, наглядное свидетельство наличия в нем мощной силы, способной противостоять злотворным явлениям. Приобщиться к ней ради избавления от порчи стремятся посетители *мазара*. Молитвы паломниц сформированы *ниййатами* («сокровенными желаниями», «обетами», «помыслами») об ограждении их самих и членов их семей от влияния и / или последствий дурного глаза, материальном благополучии, здоровье и т. п.¹² После совершения *тавафа* и произнесения молитвы паломницы уходят, не оборачиваясь на дерево, поскольку в противном случае насланная на человека порча может вновь вернуться к нему.

Согласно агиографической легенде, название описываемого *мазара* связано с некой мусульманской праведницей, носившей имя Биби Савр (букв. «бабка Савр»)¹³. По словам Холмаада, где-то в Аравии имеется *мазар* сестры Биби Савр, *мазар* еще двух сестер находится в Муминабадском районе Таджикистана. Более подробная информация о жизни праведной женщины отсутствует. Обращает на себя внимание тот факт, что на самом *мазаре* нет никакого захоронения. На некотором удалении слева от тропинки, ведущей к почитаемому дереву, впрочем, находятся две могилы. На вопрос о них *джорубкаш* ответил, что подходить к ним не стоит во избежание «их гнева», отметив, что отношения к Биби Савр они не имеют. Предания также гласят, что первоначально название *мазара* было Биби Зумрад (букв. «бабка Изумруд»). Впрочем, объяснение этого названия также отсутствует. В мусульманской Центральной Азии слово *зумрад* помимо обозначения драгоценного камня используется также для обозначения эпитета «изумрудно чистый», применимого к воде. Возможно, в нашем случае имеет место аллюзия на существование здесь когда-то ранее почитаемого целебного источника, или же данный термин символизирует изумрудный оттенок зелени дерева, однако какой-либо конкретной информацией по данному вопросу в настоящий момент мы не располагаем.

Среди почитаемых мусульманских мест паломничества и поклонения Таджикистана эпоним Савр встречается также на территории Муминабадского района Хатлонской области. В селении Душанбеча

(известном также как Хонатарош) имеется *мазар*, который ассоциируется с именами двух праведных сестер: Биби Савро и Биби Навро. Согласно легенде, рассказанной местным *джарубкашем* Бобо Мадждуном Воситзаде (1931 г. р.), этот *мазар* является местом захоронения двух из четырех родных сестер. *Мазары* двух других сестер, Биби Мохру и Биби Хавво, также находятся на территории Муминабадского района. Небольшая постройка, обозначающая место погребения Биби Савро и Биби Навро, была возведена в 1999 г. на средства некоего бизнесмена. Выполняемые паломниками, среди которых преобладают женщины, обряды сводятся к чтению молитв, троекратному *тавафу* вокруг гробницы, подметанию территории вокруг нее и совершению омовений водой из расположенного рядом водоема, питающегося, по всей видимости, ключами, бьющими со дна. Отмечая очевидную схожесть слов «Савр» и «Савро», Р. Р. Рахимов выдвинул предположение, что конечное «-о» во втором связано с разговорной формой и образовано от показателя множественного числа «-хо»¹⁴.

Еще одним примером отражения слова «Савр» в сакральной топонимике Таджикистана можно считать культовый комплекс Савристон (Савристан) в селении Ругунд Истаравшанского района Согдийской области. Населенный пункт Ругунд находится в 8 км к северу от районного центра города Истаравшан (ранее Ура-Тюбе). Комплекс, территория которого составляет более двух гектаров, включает в себя несколько объектов. Помимо мечети, представляющей собой большое внутреннее помещение и просторный *айван*, оформленные резными колоннами, имеется также почитаемое захоронение (*кабр*) Ходжи Мирфозила (Х^{аджа} Мир Фазил), которого местная легенда называет племянником арабского военачальника Абу Бакра ас-Сиддика¹⁵. Еще один объект носит название Чилзина (букв. «сорок ступеней») и представляет собой расположенную на глубине около 13—15 м пещеру, в которую ведут ступени. Это помещение использовалось в качестве *чилла-хона* — места для сорокадневного ритуального уединения. Едва ли не основными объектами почитания и поклонения у посетителей этого *мазара* являются большие старые деревья, *савр*, которые и дали название всему комплексу. Возраст деревьев составляет около 1100—1200 лет. Предание свя-

зывает происхождение этих деревьев с популярнейшим персонажем центральноазиатской агиографии Хазрати ‘Али, личность которого отождествляется с четвертым праведным халифом ‘Али б. Аби Талибом (ум. 661 г.). Согласно легенде, ‘Али вместе с десятью сопровождавшими его сподвижниками, уходя от преследования *кафиров*-неверных, оказался в этой местности. Решив остановиться на отдых, беглецы спешились и привязали своих лошадей к воткнутым в землю колышкам. Однако внезапно появились преследовавшие их враги, и ‘Али с соратниками были вынуждены спасаться бегством: вскочив на коней, они поспешили покинуть место, однако колышки последовали за ними следом. Опасаясь, что они могут стать обузой и задержать его отряд, ‘Али обернулся и сказал: «*Сабр!* (“Подождите!”)». Внемя его призыву, колышки остановились и превратились в огромные деревья, преградившие путь неверным. Место, в котором с ‘Али произошли эти чудесные события, стало называться Сабристан (букв. «место ожидания»), а со временем звук «б» изменился на «в», образовав современный вариант названия Савристан. Упрощенный вариант легенды повествует о том, что колышки просто проросли и превратились в деревья *савр*. Изначально существовало одиннадцать деревьев. Однако при советской власти в здании мечети была устроена школа, и в холодную зиму в годы Великой Отечественной войны пять деревьев были срублены с целью отопления помещения¹⁶.

Поиски объяснений происхождения названий упомянутых *мазаров* подталкивают к попыткам связать их с несколькими вариантами значения термина *савр*. Первое имеет отношение к жизни пророка Мухаммада и ранней истории ислама. Сакральная география Мекки включает в себя значительное число природных объектов, имеющих религиозное значение. Одним из них является пещера Гар Савр, расположенная на труднодоступной вершине одноименной горы (Джабал Савр) в семи километрах к югу-юго-востоку от ал-Масджид ал-Харам¹⁷. В этой пещере Мухаммад скрывался вместе с Абу Бакром в течение трех дней в самом начале *хиджры*, перед тем как отправиться в Медину¹⁸. Этот эпизод нашел отражение в Коране (9:40): «Вот изгнали его те, которые не веровали, когда он был вторым из двух. Вот оба они были в пещере, вот говорит он своему спутнику: “Не печалься, ведь Аллах — с нами!”»¹⁹

Чудеса, позволившие Мухаммаду и Абу Бакру остаться незамеченными во время пребывания в пещере, описываются в многочисленных *хадисах*, многие из которых входят в авторитетные сборники преданий. Так, Ибн Са‘д²⁰, Байхаки²¹ и Абу Нуайм²² передают от Абу Мусаба ал-Макки со ссылкой на Анаса б. Малика²³, Зайда б. Аркама²⁴ и Мугиру б. Шуба²⁵ следующий *хадис*: «В то время как пророк и его спутник прятались в пещере, у входа пещеры по повелению Аллаха выросло дерево, которое укрыло их от взора преследователей. Также по повелению Аллаха паук заплел паутину, которая спрятала их от преследователей. Также по повелению Аллаха два диких голубя ждали у входа в пещеру. Хорошо вооруженные курайшиты, преследовавшие пророка, вплотную подошли ко входу пещеры. Когда до пещеры оставалось сорок шагов, они послали одного из них проверить пещеру. Этот юноша дошел до входа пещеры но, не зайдя туда, вернулся обратно. А его соратники кричали ему: “Почему ты возвращаешься обратно?” На что он ответил: “У входа в пещеру были два голубя, если бы в пещере кто-то был, голуби улетели бы оттуда”».

Впрочем, несмотря на некоторые сюжетные совпадения преданий о Гар Савр с приведенными нами выше *ривайатами* о центральноазиатских *мазарах* Биби Савр и Савристан (наличие пещеры, выросшие деревья, преследование врагов и т. д.), заимствование аравийского топонима кажется мало вероятным. Столь же сомнительным кажется перенесение и другого значения слова *савр* на рассматриваемые нами сакральные объекты. Речь идет о термине *савр*, обозначающем зодиакальный знак и созвездие Тельца. По всей видимости, это заимствование в арабский язык греческого слова *Ταύρος* (Телец)²⁶. В солнечном календаре месяц *савр* соответствует апрелю — маю. Письменные источники рассказывают, что некоторые *мазары* Центральной Азии пользовались особой популярностью в месяц *савр*. Так, рассказывая о *мазаре* Нур-Аты, Мирза Салимбек²⁷ в своем сочинении говорит: «Ежегодно в месяце *савр* на целых четыре недели это место становится местом прогулок и паломничества. Сюда приходят паломники со всех сторон, из дальних и близлежащих *вилайатов*. А в дни четверга и пятницы здесь собирается до 100 000 человек, мужчин и женщин»²⁸. Однако никаких указаний на то, что подоб-

ное явление было характерно для *мазаров* Биби Савр, Биби Савро и Биби Навро или Савристан не имеется. Также нет свидетельств, которые дали бы нам основание связывать указанные объекты паломничества с каким-либо персонажем мусульманской агиографии (исторической личностью, мифологическим героем, праведником и т. д.), носящим имя Савр. В случае *мазара* Биби Савр и Биби Савро подобное вряд ли можно допустить, поскольку имя Савр (происходящее от зодиакального знака Телец) мужское²⁹ и несовместимо с обращением женского рода «Биби». В отношении *мазара* Савристан мы не располагаем какими бы то ни было сведениями, которые позволяли считать какого-либо деятеля эпонимом этого сакрального объекта.

С большой долей вероятности, если не сказать уверенности, можно говорить о том, что названия упомянутых выше *мазаров* происходят от слова *сарв*, обозначающего породу деревьев — кипарис. Чередование согласных, подобно *савр-сарв*, представляет собой довольно распространенное явление в таджикском / персидском языке. В пользу подобного прочтения названий исследуемых здесь мест паломничества свидетельствуют несколько аргументов. Рассмотрим каждый из *мазаров* отдельно. В случае Биби Савр обоснованность доводов вполне очевидна. Во-первых, единственный объект культа здесь — вечнозеленое дерево. Сверка с описаниями, приведенными в научной литературе и иллюстративным материалом, подкрепляют убеждение, что в данном случае мы имеем дело именно с кипарисом. Во-вторых, информанты из числа жителей селения Симиганч сами определяли породу дерева как *сарв*. Что касается *мазара* в Муминабадском районе, то на вопрос о значении слова *савро* в имени Биби Савро собеседники также ответили, что оно обозначает название дерева *сарв* («кипарис»). Однако на этом *мазаре* не наблюдается никаких деревьев, даже отдаленно напоминающих кипарис. На прямой вопрос о том, где же находится сам *сарв*, или вернее *савро* (лит. *савр-хо* — «кипарисы»), давшие имя почитаемому месту, *джорубкаш* ответил, что на своем долгом веку он их не видел, и предположил, что они не сохранились. Представленное зрителем *мазара* объяснение имени второго эпонима святыни — Биби Навро — подтверждает предположение о том, что эти названия (*савро* и *навро*) являются

персонификацией почитаемых природных объектов: происхождение термина *навр* он связал со словом *нам* («влага», «влажность») и соотнес с водным источником, присутствующим на *мазаре* до сих пор. Таким образом, мусульманское место паломничества, отождествляемое с мусульманскими праведницами, представляет собой результат развития природных культов — почитания деревьев и водных источников. Эпонимы *мазара* в селении Душанбеча (Хонатарош) и Симиганч связаны с культурами антропоморфизированных объектов природы — кипарисов.

На подобное явление, когда за обезличенным персонажем мусульманской агиографии скрывается какой-либо объект доисламского культа, обратил внимание Г. П. Снесарев, рассматривая *мазар* Чинар-бобо, входящий в культовый комплекс Султан-Ваиса (за обликом которого скрывается известный мусульманский деятель Ваис ал-Карани) в Хорезме. Фигура Чинар-бобо представляется весьма примечательной. Этот святой, в сущности, не имеет имени, ибо слово *чинар* означает дерево, платан, и абсолютно лишен каких бы то ни было биографических данных, как реальных, так и легендарных. Практика свидетельствует: за такими безымянными святыми непременно скрывается какой-нибудь объект языческого почитания, в данном случае дерево, культ которого еще в глубокой древности существовал в Хорезме. Особой сакральной силой — злой или доброй — наделялись шелковица, джида, боярышник, гуджум, фруктовые деревья, а с распространением ислама этот культ потерял самостоятельность: священные деревья стали почитаться лишь в связи с каким-либо мусульманским святым и его *мазаром*. Поэтому, как указывал в своей работе Г. П. Снесарев, можно высказать предположение, что хорезмский Чинар-бобо — не что иное, как антропоморфизация древнего растительного объекта поклонения³⁰.

Схожая картина наблюдается и в отношении культового комплекса Савристон. Принимая во внимание почтенный возраст деревьев, а также тот факт, что они дали название всему *мазару*, можно сделать вывод о том, что они (а возможно, и пещера) изначально являлись объектами поклонения. Здесь не имела место персонификация культа дерева, как в случаях *мазаров* Биби Савр и Биби Савро, а, вероятно, почитание деревьев получило в рамках ислама новое

осмысление, будучи связанным при помощи легенды с жизнью и деятельностью почитаемых персонажей ('Али, Ходжи Мирфозила). Так же как и в первых двух рассматриваемых нами *мазарах*, порода почитаемых деревьев в комплексе Савристон определена как *сарв*. К сожалению, автор не имел возможности лично осмотреть описываемый объект паломничества, а имеющаяся в наличии крайне скудная информация не дает возможности с точностью определить видовую принадлежность этих деревьев и с полной уверенностью утверждать, что речь идет именно о кипарисах.

Рассматривая представления, связанные с кипарисом вечнозеленым (лат. *Cupressus sempervirens*), следует отметить, что они отличаются совмещением в едином символе противоположных образов. Это общая тенденция для большинства народов, населяющих обширный ареал распространения *Cupressus sempervirens*, простирающийся практически через всю субтропическую зону Евразии³¹. Естественно, восприятие и символизм этого растения в значительной степени обусловлены его природными свойствами и внешним видом. Кипарис — дерево с прямым стволом, обычно пирамидальной узкой вечнозеленой кроной, достигающее высоты 30 м. Характерной особенностью этого растения является большая продолжительность жизни: до двух тысяч лет и более³². Это качество способствовало укоренению представлений о кипарисе как о символе бессмертия. Подобное восприятие подкреплялось также широтой его фармакологического применения. Подробное описание целебных свойств кипариса приводит в своем трактате *Канун фи-т-тибб* («Канон врачебной медицины») Абу 'Али ибн Сина (370/980—428/1037): «Листья и шишки [кипариса] связывают. Ему присуща рассасывающая сила, которая рассасывает жидкости. Шишки его во всех отношениях сильнее его листьев. Он склеивает, останавливает кровь и даже устраняет гниение. Если кипарис отварить в уксусе с люпином и помазать им ногти, он удалит с них пятна, а листья кипариса уничтожают *бахак* и чернят волосы. Свежие, мягкие, только что сорванные листья, шишки и веточки кипариса заживляют раны в твердых органах, опухоли и прыщи. Кипарис, особенно в смеси с ячменной мукой, помогает от герпеса и от карбункула. Свежие листья и шишки кипариса, если сделать из них лекарственную повязку, хороши при

грыже. [Если применить его] в виде лекарственной повязки, он укрепляет нервы и стягивает грыжу, укрепляет расслабленные [мышцы] и делает их тверже. Если мелко истолочь кипарисовые шишки с инжиром и сделать, из них фитиль в нос, это избавляет от дикого мяса, а отвар [шишек] в уксусе прекращает зубную боль. Шишки кипариса дают пить в вине при кровохаркании, затрудненном дыхании, “стоячем дыхании” и застарелом кашле. Так же [действует] их отвар. Листья кипариса дают пить в уваренном вине, и это помогает при затрудненном мочеиспускании и истечении излишков в мочевой пузырь. Они полезны также от язв в кишках и в животе, к которым стекают излишки»³³.

У кипариса мягкая и легкая древесина, обладающая антибактериальными свойствами, а также сильным запахом, отпугивающим насекомых. Высокое содержание смолы в древесине обеспечивает ее хорошую сохранность³⁴, что всегда делало ее востребованной в кораблестроении. О ценных качествах древесины кипариса было известно издревле. Так, знаменитый древнегреческий философ и ученый Теофраст (Теофраст) пишет: «Гниению не подвержены по природе своей кипарис, “кедр”, черное дерево, “лотос”, самшит, маслина, садовая и дикая, смолистая сосна, дуб и эвбейский орех. Долговечнее всего, по-видимому, кипарисовое дерево: в Эфесе, по крайней мере, кипарисы, из которых сделаны двери нового храма, хранились четыре поколения³⁵. Это единственное дерево, которое можно отполировать, поэтому из него и делают особенно ценные вещи»³⁶.

В сознании многих людей, принадлежащих к разным культурам, укоренилось представление о кипарисе как символе смерти, горя и печали³⁷. Причины этого, возможно, кроются в мрачном темно-зеленом цвете листвы дерева или в том факте, что, будучи срубленным, оно никогда не дает новых побегов. По-видимому, в силу подобного восприятия кипарис часто разводился на кладбищах. Здесь следует отметить, что эта традиция характерна для многих культур и религий, как христианства, мусульманства, так и языческих культур Средиземноморья или Китая. Не только сами деревья высаживались на могилах, имеются свидетельства нанесения символических изображений кипариса на погребальные сооружения. В частности, кипарис играл заметную роль в погребальной традиции в средневе-

ковом Иране, а также в более поздние периоды. Так, изображения кипарисов в изобилии встречаются на каменных надгробиях вплоть до захоронений, датируемых 1960-ми годами³⁸.

Вероятно, не в последнюю очередь укоренению символики смерти за кипарисом способствовала обширная география распространения греко-римской культуры, для которой было характерно подобное восприятие, а также широкое использование этого дерева в похоронно-поминальной обрядности. Древние греки посвящали кипарис божеству подземного мира Аиду (Гадесу), а из древесины кипариса изготавливали гробы. Римляне также связывали кипарис с культом Плутона, который часто изображался с кипарисовым венком на голове, использовали ветви растения в обрядах погребения, клали их на гробницы умерших, украшали ими дома в знак траура, кремационные костры также сооружались из этого дерева. Образ кипариса как символа скорби и тоски нашел свое отражение и в греко-римской литературе и фольклоре. Так, Овидий передает легенду³⁹, связывающую происхождение дерева с сыном Телефа, правителя Карфеи на острове Кеос, — прекрасном юноше по имени Кипарис, любимце Аполлона⁴⁰. Случайно убив любимого оленя, опечаленный Кипарис стал просить Аполлона даровать ему вечную скорбь, и в ответ на просьбу был превращен богом в дерево⁴¹.

С приходом христианства символика кипариса изменилась, из символа смерти он стал символом вечной жизни, хотя двойственность восприятия этого дерева, как одновременно знака смерти и горя, с одной стороны, и бессмертия — с другой, сохранялась. В Библии кипарис перечисляется среди деревьев, растущих в райском саду (Иезекииль 31.8). По некоторым предположениям, именно кипарис кроется за легендарным деревом гофер, из которого был сделан Ноев ковчег⁴². Считается, что он послужил фундаментом при сооружении первого христианского храма⁴³. До настоящего времени в христианской традиции существует практика изготовления крестов и образов из кипариса.

Особое место занимает кипарис в иранской традиции. Целесообразно уделить данному вопросу более пристальное внимание, учитывая то влияние, которое оказал иранский элемент на сложение культурных, мировоззренческих, духовных реалий населения Центральной Азии в целом и таджиков в частности.

В Авесте не имеется каких-либо упоминаний о сакральном кипарисе, и, по-видимому, легенда о нем развилась позже, под воздействием мифа о Храме огня Атур борзен-мехр⁴⁴. В «Бундахишне» кипарис упоминается в разделе, посвященном свойствам растений, как дерево, не производящее ничего съедобного: «Все (растения), плоды которых не годятся в пищу людям и (которые) являются многолетними, такие как кипарис, платан, белый тополь, самшит и другие этого вида, называют “дерево”»⁴⁵.

Впрочем, имеются свидетельства, которые позволяют предположить, что кипарис имел важное религиозное значение в доисламском Иране. Весьма любопытную информацию о почитании кипарисов приводит в своем частично сохранившемся труде по лексикографии *Мувазана байн ал-‘араби ва ал-‘аджами* («Равновесие между арабским и персидским») иранский историк и филолог Хамза б. ал-Хасан ал-Исфахани (ок. 280/893 — после 350/961 г.): «Во времена персидских (*‘аджам*) царей имелось в Нишабуре дерево, которое называлось *сарв-и сах* (букв. “стройный кипарис”), под которым каждый год на несколько дней собирались знатные люди для поклонения; оно было подобно Мекке для персов (*‘аджам*). Несколько тысяч людей кормилось за счет обетных подношений и жертв этому дереву, и несколько тысяч изображений (*наки*) и песен (*саут*) было создано, дабы описать его»⁴⁶.

В «Шах-наме» приводится зороастрийское предание о том, как молодой побег благородного кипариса (*сарв-и азада*) был принесен Зороастром из рая кайанидскому царю Гоштаспу, который посадил его как памятник своего обращения в зороастрийскую веру возле первого храма огня в селении Кашмар⁴⁷ в Хорасане. В разделе своего сочинения *Нузхат ал-кулуб* («Усила сердец»), посвященном географии, Хамд Аллах Мустауфи ал-Казвини приводит сведения о городе Туршиз. Среди многочисленных селений в его окрестностях, в частности, упоминается Кашмар, в котором «находился старый кипарис, высота которого превосходила деревья во всем остальном мире. Говорят, что оно было посажено мудрым Йамаспом»⁴⁸. Раздел «Шах-наме», повествующий о времени Гоштаспа и принятии им веры Зердешта, относится к числу *бейтов*, принадлежащих перу Дакки и включенных Фирдоуси в свою поэму:

Немалое время меж тем протекло,
 И в царстве Гоштасповом древо возросло,
 Его осеняя священной листвою,
 Вознесшись до неба нетленной главой.
 Оно принесло благодетельный плод —
 Вкусивший его никогда не умрет!
 Зердешта завет — имя древа тому,
 Сломить Ахримана под силу ему⁴⁹.

Построив блистательный Мехри-Борзин,
 Прославил себя на века властелин.
 Могучее древо, прообраз надежд,
 Взрастил пред воротами храма Зердешт,
 На древе такие слова начертал:
 «Гоштасп правой веры поборником стал!»⁵⁰

Хотя происхождение кашмарского кипариса носит легендарный характер, рассказы о его уничтожении зафиксированы в исторических источниках. Вероятно, наиболее раннее из имеющихся в настоящий момент свидетельств о судьбе этого почитаемого кипариса мы находим у арабского ученого-филолога Абу Мансура ‘Абд ал-Малика ас-Са‘алиби (350/961—429/1038). Он называет дерево «бустским кипарисом» по названию сельского района Буст, к которому относилось селение Кашмар⁵¹. Слава об этом дереве, поражавшем размерами и красотой, достигла двора халифа ал-Мутаваккила⁵². Вот как описывается облик священного дерева в «Шах-наме»:

Немалое время еще протекло,
 И древо все крепло, все выше росло.
 Не мог уж его охватить и аркан —
 Столь мощным вознесся тот ствол-великан⁵³.
 Ты древо кешмарским привык называть,
 Но более было бы древу под стать,
 Когда бы ты райским его окрестил, —
 Кто в мире второе такое взрастил?⁵⁴

Халиф, не имея возможности лично посетить Хорасан, приказал тамошнему наместнику срубить кипарис и доставить в Багдад⁵⁵. Несмотря на протесты и мольбы местного населения и их готовность заплатить денежный выкуп за дерево, а также предупреждения о возможных пагубных последствиях подобного повеления для самого халифа, его приказ был выполнен. Однако пророчество сбылось — ал-Мутаваккил не смог увидеть доставленный на 1300 верблюдах груз, поскольку был убит⁵⁶.

Эту легенду практически дословно приводит знаменитый арабский географ Закарийя' б. Мухаммад б. Махмуд ал-Казвини (ок. 600/1203—682/1283) в своем космографическом сочинении *'Аджа'иб ал-махлукат ва гара'иб ал-мауджудат* («Чудеса сотворенного и диковинки существующего»). Во второй части этого труда, включающей географические сведения, приводится следующее сообщение.

«Кашмар⁵⁷ — селение в *рустак*⁵⁸ Буст⁵⁹ в области Нисабур⁶⁰. Там имеется кипарис из кипарисов [породы] *ал-азад*, посаженный царем Киштасбом⁶¹, и не имеющий равного себе по красоте, высоте и величию. И был он гордостью Хурасана. Дошла весть о нем до ал-Мутаваккила, [который] возжелал его увидеть. Однако не смог отправиться в путь в Хурасан, и написал Тахиру б. 'Абд Аллаху⁶² и приказал ему срубить и привезти срубленный ствол и ветви на верблюдах, дабы представить перед ним. Однако увидел то [дерево] и счел неприемлемым для себя [повеление], ибо боялся возмездия. Однако не убергло кипарис заступничество заступников. И то, что люди собрались и молились и просили принять деньги на освобождение его (т. е. кипариса) тоже не принесло пользы. И срубили [его]. И большое несчастье [случилось] в связи с этим. И поднялись над ним (т. е. кипарисом) плачь и стенания. И обернули его в войлок и отправили в Багдад.

И убит был ал-Мутаваккил своими слугами⁶³ до прибытия кипариса, и было предзнаменование тому, что произошло»⁶⁴.

Из другого сочинения ал-Казвини, географического труда *Асар ал-билад ва ахбар ал-'ибад* («Памятники стран и сообщения о рабах [Аллаха]»), составленного в 674/1275—76 г., вышеуказанный отрывок перекочевал в географическое сочинение начала XV в. *Талхис*

ал-асар ва ‘аджа’иб ал-малик ал-каххар («Сокращение [книги о] “Памятниках” и чудеса царя могучего»), принадлежащего перу ‘Абд ар-Рашида б. Салиха б. Нури ал-Бакуви (вторая половина XIV — начало XV в). Сочинение ал-Бакуви представляет собой сокращенную редакцию указанного труда ал-Казвини⁶⁵.

Плодовитый автор Захир ад-Дин Абу-л-Хасан ‘Али ал-Байхаки (493/1100—656/1169—70) приводит некоторые дополнительные детали указанных событий. Он, в частности, говорит о том, что Зороастр посадил два кипариса, один — в Кашмаре, а другой — в области Тус в селении Фарйумад. Он также говорит, что зороастрийцы Буста предлагали заплатить пятьдесят тысяч нишапурских золотых динаров за свой кипарис, которому, по их утверждениям, было на тот момент уже 1405 лет. Потребовалось значительное время для того, чтобы изготовить пилу, необходимую для спиливания дерева, которое достигло в окружности размера тридцати четырех локтей. Обрушение дерева нанесло значительные повреждения близлежащим постройкам и подземным водным каналам. Куски срубленного кипариса везли тысяча триста верблюдов, а путь каравана до резиденции халифа в Самарре занял восемнадцать месяцев и обошелся в пятьсот тысяч дирхемов⁶⁶. Что касается второго кипариса, согласно легенде посаженного Зороастром в Фарйумаде, то он также был уничтожен. Байхаки говорит, что возраст этого дерева составлял 1691 год, когда в 573/1142—43 он был сожжен по приказу Амира Йанал-текина (Инал-текина), сына Х^ааризмшаха Кутб ад-Дина Мухаммада. В качестве причины, побудившей к подобному действию, Байхаки указывает поверье, согласно которому на каждого правителя, видевшего это дерево, в тот же год обрушивались несчастья⁶⁷.

Как отмечает в своей работе известный исследователь зороастризма М. Бойс, уничтожение кашмарского кипариса (а равным образом святыни в Фарйумаде) было одним из звеньев в цепочке действий, направленных на «травлю» зороастрийского населения со стороны мусульманских властей: убийство ал-Мутаваккила собственным сыном в глазах зороастрийцев было заслуженным возмездием за разрушение глубокочтимого дерева, несмотря на отчаянные мольбы⁶⁸.

Любопытную аллегорическую иранской культуры представил в интервью, записанном на встрече с единоверцами зороастрийской общины

Санкт-Петербурга в 2011 г., мобед из Тегерана Ардашир Хоршидиан: «По легенде, когда Зардушт стал пророком, он посадил хвойное дерево (кипарис или тую). С тех пор символом зороастризма стал кипарис. В состав Ирана ранее входили 28 наций, и их изображали в виде 28 кипарисов. Когда арабы завоевали Иран, они срубили священное дерево и увезли его к себе. С приходом ислама это дерево погибло, и теперь его изображают с согнутой вершиной. Это означает, что Иран стал мусульманским, но не стал арабским, и он сохранил свои традиции, свою культуру, и это главное. Столько пролито крови, что это дерево никогда не засохнет и культура Ирана будет жива всегда. Кипарис без верхушки стал символом шиитского Ирана»⁶⁹.

Кипарис — один из важнейших символов в персидском изобразительном искусстве и художественном слове. Будучи излюбленным образом классической персидской поэзии, он является составной частью многочисленных метафор, передающих стройность стана возлюбленной, величавость походки, чистоту, прямоту, молодость⁷⁰. Без кипариса редко обходятся описания или символические изображения рая. Вытянутая и остроконечная форма кроны пирамидального кипариса порождает различные толкования. Учитывая вышеупомянутую распространенность этого дерева на кладбищах, считается, что направленные в небо кроны кипариса указывают усопшим кратчайший путь на небо. В данном случае кипарис предстает в виде природного отражения мирового древа, выполняющего, в частности, функцию связующего звена между нижним миром мертвых, и верхним — обителью душ. Двойственный характер образа кипариса определяет его широкое применение в похоронно-поминальной обрядности у иранцев. Кипарис символизирует смерть и обозначает место упокоения, при этом, будучи вечнозеленым, он также является знаком воскрешения. Как и другие вечнозеленые деревья, кипарис — символ бессмертия, а именно жизни после смерти. Противопоставляясь смерти, он также выступает ее неизменным спутником. Традиция посадки кипарисов на кладбищах во многих частях света, в том числе в Иране, несет в себе подобные представления⁷¹. В этом контексте любопытно отметить, что в персидском садовом искусстве кипарис и плодовые деревья часто сажаются рядом. В данном случае кипарис символизирует смерть, поскольку, будучи срубленным,

более никогда не дает новых отростков. Плодовые же деревья, напротив, символизируют жизнь и воскрешение. Вместе они символизируют взаимозависимость жизни и смерти. Садовники часто формировали крону фруктовых деревьев таким образом, чтобы их ветви обвивали крону кипариса⁷².

Ветви кипариса используются зороастрийцами Ирана в ритуалах поминовения усопших. С одной стороны, это можно считать проявлением восприятия кипариса как дерева мертвых, с другой стороны, учитывая то, что другими атрибутами, используемыми в вышеуказанных церемониях, являются фрукты (свежие или сушеные), орехи и сладости⁷³ (т. е. символы жизни), можно с равной степенью отнести кипарис и к символам бессмертия. Побывавший в 1627 г. в Иране с посольской миссией Томас Герберт сообщает, что был свидетелем того, как на персидской похоронной церемонии некоторые из скорбящих в процессии несли лавровые или кипарисовые ветви⁷⁴. В траурных церемониях используются не только ветви кипариса, но и его символические изображения. Одно из них — ‘алам (букв. «знамя»), представляющий собой небольшую модель дерева, изготовленную из металла, с нанесенными на ней именами Аллаха, Мухаммада, ‘Али и его семьи, которую несут перед траурной процессией. Другим типом символических моделей в форме кипариса является *нахл* (букв. «пальма»), представляющий собой конструкцию, обычно изготавливаемую из дерева, высота ее может достигать 12 м. Шииты используют *нахл* во время траурного шествия в день поминовения мученической смерти имама Хусайна (‘ашура), когда процессия несет на плечах это сооружение, украшенное цветными материями. Диалектичность кипариса можно усмотреть и в этой традиции, поскольку в других регионах мусульманского мира, особенно в Османской Турции, схожие конструкции, именуемые *нахил*, составляли одну из важных слагаемых торжественных праздничных процессий *мавакиб*, являясь фаллофорическим символом, который иногда принимал форму еловой ветви, но в основном делался в виде кипариса и символизировал изобилие и плодородие⁷⁵.

Среди почитаемых деревьев на зороастрийских местах паломничества и поклонения (*нур*, мн. ч. *пиран*, *пиран-гах*) в Иране преобладают кипарисы и платаны, выступающие как в качестве само-

стоятельных объектов почитания, так и в виде дополнительных атрибутов других типов святых мест⁷⁶. Описывая современный облик главного зороастрийского храма в иранском городе Йезд, В. Ю. Крюкова, в частности, отмечает, что «среди растений, высаженных как на “парадной”, предназначенной для туристов, так и на “закрытой” (т. е. предназначенной для самих членов зороастрийской общины. — Н. Т.) территории, преобладают кипарисы», которые являются зороастрийским символом вечной жизни, бессмертия⁷⁷. Ветви кипариса служат атрибутом ритуальных практик, исполняемых как на общественных зороастрийских местах паломничества, так и на частных «домашних алтарях», повсеместно встречающихся в жилищах зороастрийцев современного Ирана⁷⁸. Как и в Центральной Азии, в Иране часто объекты растительного мира становятся главными, а порой и единственными объектами паломничества. Среди наиболее известных Пир-е сарв, Сарв-е Чам, Сарв-е Абаркух или Пир-е Чахар Дерахт (букв. «Пир Четырех Деревьев»).

Кипарис и платан у зороастрийцев Ирана относятся к категории священных и считаются «исполняющими желания» (*мурад даханде*). На них вешают лоскуты одежды, возле них загадывают желания, им дают клятвы и обещания⁷⁹. Наибольшее число подобных мест наблюдается в районе к югу от Йезда, где эти деревья представляют собой характерную особенность некоторых зороастрийских поселений. В некоторых местах вокруг Йезда имеются отдельно стоящие прямоугольные сооружения из кирпича с небольшой нишей для светильников, расположенные под сенью кипарисов, как, например, в селении Зайн-абад⁸⁰. Иногда почитаемые кипарисы располагаются близ храмов огня, как, например, в случае знаменитого почитаемого места Чам-и Сарв в селении Чам⁸¹. Один из самых знаменитых кипарисов, также известный как «кипарис Зороастра», расположен в городе Абаркух в провинции Йезд. Его высота составляет около 25—28 м. Исследователи оценивают возраст дерева в промежутке между 4000 и 4500 годами.

Древний кипарис возрастом более 2000 лет находится в селении Харзавил, между Лошанским мостом и водохранилищем Сефидруд. Два кипариса из числа древних расположены близ селения Дарг (в районе Хукат) в афганском Систане. По местной легенде, они

были посажены во времена Ануширвана, так же как и кипарис в селении Сангун близ Захедана. Повествуя о своем путешествии через Систан, английский военный разведчик Перси Сайкс пишет: «К нашему удивлению, мы обнаружили в этом отдаленном селении (Сангун. — Н. Т.), вероятно, один из самых крупных кипарисов в мире. Его обхват на высоте около 5 футов от земли составлял 25 футов, и сразу над массивным расширением, как у дуба, он разветвлялся. Если бы не цвет, то издали его можно было бы принять за платановое дерево, и нам пришлось проделать довольно значительный путь, чтобы осмотреть его»⁸².

Следует отметить, что кипарисы (*сарв*) и платаны (*чинар*) почитаются в Иране не только зороастрийцами. Они также присутствуют на множестве мусульманских *мазаров*. По сравнению с Ираном в Центральной Азии кипарис крайне редко выступает в качестве почитаемого объекта. На территории расселения таджикского населения автору известны лишь три упомянутые выше примера сакрализации этого дерева, нашедшие отражение в топонимике (*мазары* Биби Савр, Биби Савро и Навро, Савристон). Обращает на себя внимание и тот факт, что во всех трех случаях имеет место искаженная форма названия кипариса — *сарв* (а не *сарв*). Данный факт, вероятно, следует объяснить тем, что распространение кипариса пирамидального (т. е. культурной формы), видимо, никогда не было широким в регионе. В хозяйственной сфере его заменял тополь, древесина которого хотя и хуже по качеству, но зато он быстро растет и неприхотлив⁸³. Предположение о том, что кипарис довольно редко встречался в Центральной Азии, подтверждается упоминанием его в числе деревьев, выращиваемых в конце XIX в. в опытном саду Самарканда: «Благодаря прекрасным качествам туркестанского леса или желтозема <...> для любителей садоводства и растений представлялась полнейшая возможность получить отличные результаты опытов культивирования в крае различных европейских пород деревьев, как лиственных, так и хвойных. Чтобы убедиться с этим, достаточно прогуляться в так называемом опытном саду в Самарканде, где можно встретить двух-трехлетние крошечные экземпляры (в том числе и кипарисов. — Н. Т.), полученные при самом обыкновенном, недорогом, вероятно, уходе. Однако дальше питомника и казенного сада хвойные породы деревьев пока не распространились»⁸⁴.

Та сакральная роль, которую играет кипарис в Иране, в Мавераннахре отводилась другим породам деревьев, в первую очередь платану и можжевельнику. Логика размышлений наталкивает на предположение, что место кипариса в условиях Центральной Азии должен занять близкий, если не сказать идентичный, по свойствам можжевельник (*бурс, арча*) (лат. *Juniperus*). Более того, имеются сведения о том, что термин *сарв* также используется в Иране для обозначения двух других родов семейства кипарисовых: можжевельника⁸⁵, а также туи, которую, в частности, именуют *сарв-и хумра'и* (букв. «бочкообразный кипарис»)⁸⁶. Оба дерева относятся к семейству кипарисовых. Однако следует отметить, что на *мазарах* Центральной Азии можжевельник встречается исключительно в дикорастущем виде и преимущественно в горных районах, в то время как в Иране кипарисы на местах паломничества в основном посажены человеком. По этой причине в равнинных районах и городах Таджикистана роль главного или по крайней мере наиболее распространенного почитаемого дерева играет чинара. Определенное сходство между платаном и кипарисом отмечено у Овидия: в поэме «Две любви», приписываемой Лукиану, при описании храма Афродиты в Книде говорится, что наряду с плодовыми деревьями его внутренний двор осеняли и те, «которые плодов не приносят, но которым красота заменяет плод: кипарисы и платаны, до неба высотой»⁸⁷.

Подводя итог, следует отметить, что в среде таджикского населения современной Центральной Азии проявления культа кипариса в рамках мусульманской традиции *зийарат* носят единичный характер. Учитывая доминирующее положение кипариса как главного почитаемого дерева в доисламском Иране, существует соблазн воспринимать факт существования *мазаров*, связанных с эпонимом *сарв* / *сарв*, как возможные реминисценции зороастрийской традиции, однако подобные выводы были бы преждевременными и требуют тщательной проверки.

Примечания

¹ Писарчик А. К. О пережитках культа ивы у таджиков (материалы). *Прошлое Средней Азии* (Душанбе, 1987), с. 251—260; она же. Ива в новогодних

и других весенних обрядах таджиков. *Этнография в Таджикистане* (Душанбе, 1989), с. 18—38.

² Рахимов Р. Р. *Нихоли* 'умр: дерево в мифоритуальной символике таджиков. *Центральная Азия: традиция в условиях перемен*, вып. III (СПб., 2013), с. 106—159; он же. За что в Симигандже деревья почитают? К вопросу о религии дерева у восточных иранцев-таджиков). *Иран-наме. Научный востоковедческий журнал*, 4/12 (Алматы, 2009), с. 147—167; он же. За что в Симигандже деревья почитают? (К вопросу о культе дерева у таджиков). *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г.* (СПб., 2010), с. 101—105.

³ Калонтаров Я. И. Пережитки культа ивы у среднеазиатских евреев Самарканда. *Этнография в Таджикистане* (Душанбе, 1989), с. 38—41.

⁴ Горшунова О. В. Священные деревья Ходжи-Барора. Фитолатрия и культ женского божества в Средней Азии. *Этнографическое обозрение*, 1 (М., 2008), с. 71—82.

⁵ Терлецкий Н. С. Некоторые аспекты почитания деревьев у оседлого населения Центральной Азии. *Центральная Азия: традиция в условиях перемен*, вып. III, с. 79—105; он же. Лоскутки на мазарах: ткань как votивный предмет. *Грезы о Востоке. Русский авангард и шелка Бухары* (СПб., 2006), с. 86—91; он же. Некоторые представления о дереве в Коране. *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г.* (СПб., 2012), с. 452—257; он же. Посох и дерево в представлении населения Центральной Азии. *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г.* (СПб., 2010), с. 114—118.

⁶ По легенде, родственник Йакуба Чархи.

⁷ О *латта-банд* см. подробнее: Терлецкий. К вопросу о роли лоскутов ткани (*латта-банд*) на мазарах Центральной Азии. *Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских чтений. 2006—2007* (СПб., 2007), с. 118—122.

⁸ *Джахилийя* — состояние неверия, в котором находились жители Аравии до пророческой миссии Мухаммада, в более широком смысле, будучи противоположностью исламу, отражает языческие представления людей доисламской эпохи.

⁹ Так, на *мазаре* Х^аджи Аламбардари Вали (Бузургвори Хазрати Хоча Аламбардори Вали) близ селения Патру в Шахринавском районе Республики Таджикистан информационный стенд для паломников содержит следующее предписание: *Ба дарахтон латта ва дигар чизхоро набандед, ки ин хуруфотест аз замони чохилият ва шариати мукаддаси мо инро катъиян маън кардааст* («Не привязывайте лоскуты и иные предметы на деревья,

поскольку это признаки эпохи *джахилийя* и наш священный *шариат* это категорически запрещает»).

¹⁰ Рахимов. Ниhoли ‘умр..., с. 134.

¹¹ Музаффари М., Камол Х., Наботзода З. *Чойҳои муқаддаси Тоҷикистон* (Душанбе, 2007), т. 2, с. 31.

¹² Рахимов Ниhoли ‘умр..., с. 133.

¹³ *Биби* — форма вежливого обращения к уважаемой женщине старшего возраста.

¹⁴ Рахимов. За что в Симигандже деревья почитают?.. *Иран-наме*, с. 97.

¹⁵ Очевидно, здесь имеет место широко распространенное отождествление местного почитаемого праведника с арабскими завоевателями, принесшими ислам в Центральную Азию. Под личностью «арабского военачальника», вероятно, подразумевается первый праведный халиф Абу Бакр (ок. 572—634), носивший титул ас-Сиддик (букв. «наиправдивейший», «утверждающий правду», «праведный», «преданный»), см.: Rippin A. Al-Siddiq. *Encyclopaedia of Islam* (CD-ROM Edition) (Leiden, 1999) — далее *ЕI*.

¹⁶ Любопытно отметить, что рубка почитаемых деревьев-мазаров обычно находится под строжайшим запретом. Зачастую запрещается использование в хозяйственных целях даже засохших и упавших на землю веток (см. выше запрет на использование веток с дерева на *мазаре* Биби Савр). Рассказы о нарушениях этого запрета обычно изобилуют подробными описаниями бедствий, которые обрушиваются на осквернителей святынь. Исключения составляют случаи, когда срубленное дерево используется на крайние нужды всей общины (строительство мечети, моста и т. п.).

¹⁷ Winder R. В. Makka. *ЕI*.

¹⁸ Уотт М. *Мухаммад в Мекке* (СПб., 2006), с. 196—197.

¹⁹ Перевод И. Ю. Крачковского.

²⁰ Абу ‘Абд Аллах Мухаммад б. Са‘д (168/784—230/845) — знаток *хадисов*.

²¹ Абу Бакр Ахмад б. ал-Хусайн б. ‘Али (384/994—458/1066) — знаток *хадисов*.

²² Ал-Фадл б Дукайн ал-Мула’и Абу Ну‘айм (130/748—219/834) — знаток *хадисов*.

²³ Абу Хамза Анас б. Малик (ум. около 91/709—93/711) — знаменитый знаток *хадисов*.

²⁴ Ал-Аркам (ум. 53/673 или 55/675) — сподвижник пророка Мухаммада.

²⁵ Абу ‘Абд Аллах Мугира б. Шу‘ба (ум. 48/668 или 51/671) — сподвижник Мухаммада.

²⁶ Hartner W., Kunitzsch P. *Mintakat al-burudj. EI.*

²⁷ Мирза Салимбек (1848—1930), сын Мирзы Рахима, занимал высокие государственные посты при последних трех мангытских правителях Бухарского эмирата: Музаффаре (1860—1885), Абдалахаде (1885—1910) и Алимхане (1910—1920). Его сочинение *Тарих-и Салими* («История Салима»), носящее характер мемуаров, содержит ценные и подробные сведения о политической и социально-экономической истории конца XIX — начала XX столетий, культурной и духовной жизни региона.

²⁸ Мирза Салимбек. *Тарих-и Салими (Источник по истории Бухарского эмирата)* (Ташкент, 2009), с. 108—109.

²⁹ Гафуров А. *Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков и турков. Словарь* (М., 1987), с. 184.

³⁰ Снесарев Г. П. *Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии* (М., 1983), с. 84.

³¹ Основные районы распространения кипариса — Средиземноморье, Средний Восток, юг Китая, а также западная часть умеренного пояса Северной Америки.

³² Так, 17 января 2012 г. в США в результате пожара погиб кипарис, возраст которого составлял три с половиной тысячи лет (см.: <http://world.fedpress.ru/news/america/v-ssha-sgorel-kiparis-prostoyavshii-tri-tysyacheletiya>). Это дерево считалось одним из самых старых на Земле.

³³ Абу Али Ибн Сина (Авиценна). *Канон врачебной медицины* (Ташкент, 1981), т. 3, с. 178.

³⁴ По этой причине древние египтяне изготавливали саркофаги именно из этого дерева, а кипарисовое масло использовалось при бальзамировании мумий.

³⁵ Имеются в виду двери знаменитого храма Артемиды Эфесской, сожженного Геростратом в 356 г. до н. э., считавшегося одним из семи чудес древнего мира.

³⁶ Феофраст. *Исследование о растениях* (М., 1954), с. 175—176.

³⁷ *Мифологический словарь* (М., 1991); Фоли Дж. *Энциклопедия знаков и символов* (М., 1997); *Энциклопедия символов, знаков, эмблем* (М., 1999).

³⁸ Данный вопрос подробно освещается в вышедшей недавно богато иллюстрированной книге иранского исследователя Махди Тамизи *Дар сайа-и сарв (сарв нигаха-йи санг-и арамгахха-йи мардум-и исфахан) (Под тенью кипариса (изображения кипариса на надгробных камнях Исфахана)* (Тегеран, 2014).

³⁹ Овидий. *Метаморфозы*. X 106—140.

⁴⁰ Согласно другим версиям, Пана или Зефира.

⁴¹ По другой версии, Кипарис был возлюбленным Сильвана. У него была ручная лань, которую убил Сильван, а Кипарис умер от горя (см.: *Мифы народов мира* (М., 1991—1992), т. 1, с. 651; Любкер Ф. *Реальный словарь классических древностей* (М., 2001), т. 1, с. 402.

⁴² *Гофер* (крепкое, смолистое дерево; Быт 6:14) — дерево, из которого был построен Ноев ковчег. Это слово встречается только в означенной цитате. Большинство толкователей Священного Писания думают, что это было кипарисовое или кедровое дерево. Греческое название кипариса имеет сходство с еврейским *гофер*. Он считался самым твердым и прочным деревом и менее всего был подвержен гниению и червоточине. Впрочем, некоторые из древнейших раввинов утверждают, что на построение ковчега было употреблено кедровое дерево по причине легкости, твердости и смолистых свойств оно, еще и потому, что это дерево особенно употреблялось ассирийцами и египтянами для кораблестроения. Впрочем, кипарис (*брош*) и кедр (*эрез*) в Библии имеют свои обозначения. Не отвергая полностью тождественности дерева Гофер с кипарисом и кедром, естественнее признать, что под этим словом вообще понимаются смолистые, трудно гниющие и годные для постройки кораблей деревья, как-то: кедр, кипарис, ель, сосна и др. из породы хвойных.

⁴³ Артаномонов В. Кипарис. *Наука и жизнь*, 2 (1989), с. 158—161.

⁴⁴ Dahlén A. P. He Addressed the Kayanian King: 'I am a Prophet!' — The Image of Zoroaster in the Dastan-e Goshtasp (Tale of Goshtasp). *Orientalia Suecana*, LX (2011), p. 131.

⁴⁵ *Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадастан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты*. Издание подготовлено О. М. Чунаковой (М., 1997), с. 67.

⁴⁶ Abu al-Hasan Hamza Esfahani. *Ketab ta'rikh seni moluk al-arz wa'l-anbia'* («Книга летописи царей земли и пророков»), ed. and tr. J. M. E. Gottwaldt (St. Petersburg, 1844), vol. 1, p. 484—485.

⁴⁷ В настоящее время Кашмар представляет собой город с населением около 80 тыс. жителей, расположенный в центре провинции Хорасан, приблизительно в двухстах километрах к югу от Мешхеда.

⁴⁸ Йамасп (Джамасп) — визирь Гоштаспа и зять Зороастра. Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin, *The Geographical Part of the Nuzhat al-Qulub*, tr. by G. le Strange (Cambridge, 1919), p. 143 (<http://persian.packhum.org/persian/main?url=pf%3Ffile%3D16301012%26ct%3D0>).

⁴⁹ Фирдоуси, *Шах-наме* (М., 1994), т. 4, с. 66—67.

⁵⁰ *Там же*, с. 68.

⁵¹ Очевидно, здесь имеет место неточная передача названия селения.

⁵² Речь идет об 'аббасидском халифе Абу-л-Фадле Джа'фаре б. Мухаммаде Мутаваккиле (206/822—247/861).

⁵³ Фирдоуси. *Указ. соч.*, с. 68.

⁵⁴ Там же, с. 69.

⁵⁵ Один из вариантов легенды гласит, что мотивы для столь экстравагантного повеления были прозаическими: необходимость в строительных материалах для дворца Джа'фарийа в Самарре, возведение которого началось немногим ранее.

⁵⁶ A'lam H. Cypress. *Encyclopædia Iranica* (L., 1993), VI/5, p. 505.

⁵⁷ В тексте издания, подготовленного Ф. Вюстенфельдом, дается неверное название города — Кашм (كشم) (см.: El-Cazwini Zakarija Ben Muhammed. *Kosmographie, Zweiter Theil. Die Denkmäler der Länder*, Hrsg. von F. Wüstenfeld (Goettingen, 1848), S. 299).

⁵⁸ *Рустак* — арабизированная форма от среднеперсидского термина *ro-stag*, обозначающего «сельский район», «окрестности», «предместье». В средневековой арабской и персидской географической литературе использовался как административный термин, так и в более общем смысле — как противоположность городу (см.: Bosworth C. E. *Rustak. EI*).

⁵⁹ В тексте издания название города ошибочно указано как Бушт.

⁶⁰ Нишапур.

⁶¹ Гиштаспом.

⁶² Имеется в виду правитель Хорасана Тахир б. 'Абд Аллах Зу'л-Йаминайн (ум. в 848 г.).

⁶³ Букв. мамлюками (т. е. «принадлежащими») — термин, использовавшийся в мусульманском мире для обозначения рабов, особенно рабов-воинов.

⁶⁴ El-Cazwini. *Op. cit.*, S. 299.

⁶⁵ Абд ар-Рашид ал-Бакуви. *Китаб талхис ал-асар ва'аджа'иб ал-малик ал-каххар* («Сокращение [книги о] памятниках и чудесах царя могучего») (М., 1971).

⁶⁶ Цит. по: A'lam. *Op. cit.*, p. 507.

⁶⁷ *Ibid.*

⁶⁸ Бойс М. *Зороастрийцы: верования и обычаи* (СПб., 2003), с. 230. Согласно Байхаки, помимо Мутаваккила кара постигла также плотника, который осуществлял работы по распиливанию дерева, а также участников каравана, перевозившего останки кипариса в Ирак (см.: Tanavoli P. The Cypress of Zoroaster. *Tavoos, Iranian Art Quarterly* (<http://www.tavoosonline.com/News/NewsDetailEn.aspx?src=21048>)).

⁶⁹ Зороастризм в современном мире (Хоршидиан в Санкт-Петербурге). *Мирра*. 11/15 (2011) (<http://zoroastrian.ru/node/1571>).

⁷⁰ Tanavoli. *Op. cit.*

⁷¹ Тамизи. *Указ. соч.*

⁷² Reat R. The Tree Symbol in Islam. *Studies in Comparative Religion*, 9/3 (1975) (www.studiesincomparativereligion.com).

⁷³ Langer R. From Private Shrine to Pilgrimage Centre: the Spectrum of Zoroastrian Shrines in Iran. *Zoroastrian rituals in context*, ed. M. Stausberg (Leiden; Boston, 2004), p. 582.

⁷⁴ Herbert T. *Travels in Persia, 1627—1629* (L., 1928), p. 254.

⁷⁵ Burton-Page J. *Mawakib. EI.*

⁷⁶ Langer. *Op. cit.*, p. 575.

⁷⁷ Крюкова В. Ю. Зороастрийские храмы Йезда и Тегерана. *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г.* (СПб., 2012), с. 421.

⁷⁸ Langer. *Op. cit.*, p. 582.

⁷⁹ Иванов В. Б., Додыхудоева Л. Р. Язык ритуальной службы у зороастрийцев Ирана. *Материалы VII международной научной конференции «Язык, культура, общество», 26—29 сентября 2013 года* (М., 2013), с. 45.

⁸⁰ Langer. *Op. cit.*, plate XVI/16.

⁸¹ *Ibid.*, p. 584—585.

⁸² Sykes P. M. *Ten Thousand Miles in Persia or Eight Years in Iran* (L., 1902), p. 354.

⁸³ Арандаренко Г. А. *Досуги в Туркестане. 1874—1889* (СПб., 1889), с. 571—572.

⁸⁴ *Там же*, с. 619—620.

⁸⁵ Са'и К. *Джангал шинаси* («Лесоведение») (Тегеран, 1327/1948), т. 1, с. 253—255; Сабити Х. *Джангалха, дирахтан ва дирахтчаха-йи иран* («Деревья, кустарники и древовидные растения Ирана») (Тегеран, 1976), с. 415 (цит. по: А'lam. *Op. cit.*, p. 505).

⁸⁶ *Там же*.

⁸⁷ Лукиан. «Две любви». *Сочинения* (СПб., 2001), т. 2, с. 63.